

Рецензии Review

Рецензия

УДК 81`22

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16209>

EDN: <https://elibrary/HPXOZQ>

РЕФЛЕКСИЯ НАД ЯЗЫКОМ. РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ: ЩЕДРОВИЦКИЙ Г.П. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МЫСЛИ: ВВЕДЕНИЕ В СИСТЕМОМЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД. М.: МИФ, 2024. 672 С. ISBN 978-5-00214-612-3

А.В. Загуменнов

Вологодская духовная семинария,
г. Вологда, Российская Федерация

✉ zaw1991@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена рассмотрению новой публикации работ Г.П. Щедровицкого, идейного вдохновителя и руководителя «Московского методологического кружка», одного из выдающихся философов второй половины XX века. Издание, получившее название «На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход», является первым томом из задуманного десяти томного собрания сочинений упомянутого автора. Цель вышедшего издания можно охарактеризовать как изложение ключевых понятий, принципов и оснований руководителя «Московского методологического кружка» не в хронологической или тематической последовательности, а в логике самого подхода. Издатели постарались передать дух работы Г.П. Щедровицкого и его единомышленников, собрав под одной обложкой не только статьи или доклады самого Г.П. Щедровицкого, но и стенограммы с обсуждениями высказанных им тезисов, аргументы его противников в диспутах и т.д. В рецензии особенно акцентируется внимание на моментах, значимых для языкознания (что есть язык, знак, знаковые системы и пр.), поэтому наше рецензирование сопровождается комментарием со стороны лингвистики, который явно недостаточен в первом томе. Несомненным его достоинством мы считаем официальное издание архивных материалов из личного фонда, примечания редактора, позволяющие восстановить контекст происходящего, список литературы, в который помещены выходные данные прижизненных и посмертных публикаций Г.П. Щедровицкого с 1957 по 2014 год, и два указателя: именной и предметный. Основным адресатом представляются философы, логики и исследователи отечественной интеллектуальной истории. Автор приходит к выводу, что это издание необходимо и языковедам, поскольку в нем фиксируется и часть истории филологических наук второй половины XX века. Работа представляется масштабной, перспективной и заслуживает пристального внимания со стороны самого широкого круга читателей.

Ключевые слова: язык, знак, система, рефлексия, мышление, понимание, деятельность.

Для цитирования: Загуменнов А.В. Рефлексия над языком. Рецензия на издание: Щедровицкий Г.П. На перекрестке мысли: Введение в системомыследеятельностный подход. М.: МИФ, 2024. 672 С. ISBN 978-5-00214-612-3 // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 135–146. DOI: 10.18721/JHSS.16209

**LANGUAGE REFLECTION. BOOK REVIEW:
SHCHEDROVITSKY G.P. AT THE CROSSROADS OF THOUGHT:
INTRODUCTION TO THE SYSTEM-THINKING-ACTIVITY
APPROACH. MOSCOW: MIF, 2024. 672 P.
ISBN 978-5-00214-612-3**

A.V. Zagumennov

The Vologda Theological Seminary,
Vologda, Russian Federation

✉ zaw1991@mail.ru

Abstract. The review examines a new publication featuring the works of G.P. Shchedrovitsky, the philosophical leader of the Moscow Methodological Circle (MMC) and one of Russia's most influential 20th-century thinkers. As the first volume of a planned 10-volume collection, "At the crossroads of thought: Introduction to the system-thinking-activity approach" uniquely presents the core principles of Shchedrovitsky's system-thinking-activity approach not in chronological or thematic sequence, but in the logic of the approach itself. The publishers tried to convey the spirit of the work of G.P. Shchedrovitsky and his associates by collecting in one book not only articles or reports by Shchedrovitsky himself, but also debate on his theses transcripts, containing arguments of his opponents etc. In the review, the focus is on the points important for linguistics (language/sign systems theory), because the linguistic commentary clearly lacks in the first volume. Its undoubted merit includes the following: previously unpublished archival materials, editorial annotations contextualizing debates, comprehensive bibliography (1957–2014 publications), name and subject indices. The publication is intended for philosophers, logicians and researchers of Russian intellectual history, as well as linguists, since it captures the part of the history of philological sciences in the second half of the 20th century. The work appears to be large-scale, promising and deserves close attention from the widest range of readers.

Keywords: language, sign, system, reflection, thinking, understanding, activity.

Citation: Zagumennov A.V., Language reflection. Book Review: Shchedrovitsky G.P. At the crossroads of thought: Introduction to the system-thinking-activity approach. Moscow: MIF, 2024. 672 P. ISBN 978-5-00214-612-3, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 135–146. DOI: 10.18721/JHSS.16209

В истории советского языкознания Г.П. Щедровицкий, идейный вдохновитель и руководитель «Московского методологического кружка» (далее – ММК), был, помимо уже упомянутых фактов, философом, который либо присутствовал при обсуждении важнейших направлений в филологии, либо задавал новые векторы лингвистических исследований. Примером первого случая можно считать его участие в дискуссиях о соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков, о методологических проблемах лингвистической типологии, о способах изучения знаковых систем, выступления с докладами на психолингвистических симпозиумах, на конференциях, посвященных лексикологии, семасиологии и теории языка (подробнее в разделе «Литература» рецензируемого тома [1, с. 633–641]). И если во всех этих эпизодах взаимодействия с языкознанием Г.П. Щедровицкий оставался, скорее, на маргинальных позициях¹, то не признать его влияния на целые направления лингвистики,

¹ По утверждению В.П. Литвинова: «Многим языковедам Г.П. Щедровицкий запомнился как обидчик лингвистов. <...> Позиция Щедровицкого почти всем лингвистам, с которыми он имел дело, представлялась антикультурной или в лучшем случае акультурной» [2, с. 11–12].

сегодня получившие вполне легитимный статус составляющей текущей научной парадигмы, уже не получится.

В частности, теория языковой личности изначально была разработана «Тверской герменевтической группой» ММК [3], руководителем которой был Г.И. Богин [4]. Поэтому с точки зрения эпистемологии филологических наук последующая книга Ю.Н. Караулова [5] была переосмыслением самостоятельной региональной концепции со смещением ее координат в область прагма- и когнитивной лингвистики, хотя изначально ее фундамент — феноменологическая философия позднего Э. Гуссерля и филологическая герменевтика. Другой пример — В.П. Литвинов из Пятигорского государственного лингвистического университета (ныне Пятигорский государственный университет). Созданные под его руководством семинары тематически предвосхищали исследования в области когнитивной лингвистики на всем Северном Кавказе. Также, как и Г.И. Богиним, В.П. Литвиновым проводились научно-теоретические поиски в области феноменологической философии и герменевтики.

Можно утверждать, что разработки ММК все-таки смогли привлечь внимание и других филологов, хотя оценки этих разработок оказываются полярными. Например, в середине 1960-х годов для редколлегии выпусков «Трудов по знаковым системам» [6, с. 5] понимание семиотики в стиле Г.П. Щедровицкого было чуждым, но в XXI веке В.В. Колесов критиковал современную ему когнитивную лингвистику цитатами из трудов Г.П. Щедровицкого [7, с. 697]. Сегодня идеи руководителя ММК переосмысливают в ракурсе теории коммуникации [8] и дискурсологии [9], однако проблема значимости ММК в истории отечественного языкознания остается недостаточно изученной.

Первый том из запланированного издания десяти томного собрания сочинений Г.П. Щедровицкого посвящен раскрытию содержания концепции советского философа. При этом специфика работы ММК накладывает свой отпечаток на формат издания: перед нами не «сборник статей» и не «монография» в классическом понимании этих слов. Это — зафиксированная в тексте история обсуждения конкретной проблематики, интересовавшая Г.П. Щедровицкого и его сторонников в рамках определенного направления поисков с 1964 по 1989 год. Все опубликованные в первом томе материалы, по словам главного редактора десяти томника А.Г. Реуса, следуют не хронологическому или тематическому принципу, а логике подхода; сам подход — «это не концепции, это идеи и инструменты, реализуемые в живом мышлении, деятельности, коммуникации, мыследеятельности» [1, с. 10]. По этой причине мы и говорим об отпечатке работы в ММК на формате издания: здесь в буквальном смысле воспроизводятся не только лекции, доклады и тезисы, но и их обсуждение в формате стенограмм, поскольку диалог в этом разрезе является фиксацией позиций в научной коммуникации.

Том включает «предисловие» А.Г. Реуса ко всему запланированному многотомному изданию «Учение Георгия Щедровицкого» [1, с. 9–10]. Вероятно, оно будет стабильно повторяться и в последующих томах. С одной стороны, решение верное — по содержательной составляющей этот текст служит хорошим введением для «неискушенного» читателя, с другой — было бы небесполезно для общей рецепции «подхода» дать слово и другим «методологам», чтобы четче обозначить точки зрения на то, что получилось в итоге.

Первая глава «Проблемы построения теории мышления и системомыследеятельностный подход» целиком состоит из семи докладов, прочитанных на семинарах Комиссии по психологии мышления и логике при Московском отделении Общества психологов в течение трех месяцев 1979 года (26 апреля, 10, 24, 31 мая, 7, 21, 28 июня). Эта часть интересна целым рядом замечаний, появившихся в результате обсуждения исходных тезисов. Например, в полемике с В.В. Давыдовым по первому своему докладу («Пространство методологической работы и деятельностьный подход» [1, с. 13–42]) Г.П. Щедровицкий постулирует «деятельность как объективный мир, как универсальный объект» [1, с. 41], считая это

особенностью своего подхода². Второе выступление («Проблемы организации пространства методологического мышления. Рефлексия и мышление» [1, с. 42–65]) содержит подробное раскрытие понимания «рефлексии» и вырастающего из неё «мышления» («мышление рождается из рефлексии. Мышление — это особая, превращённая форма рефлексии» [1, с. 49]). Это разграничение прослеживается вплоть до конца обсуждения всего доклада, но ряд высказанных положений вызывают особый интерес.

По словам руководителя ММК, рефлексия «не имеет собственных форм и, следовательно, не имеет своего собственного идеального содержания», «существует лишь тогда, когда мы движемся по чему-то уже данному в нашей деятельности», «может быть ретроспективной и проспективной» [1, с. 50]. Она «не имеет как таковая другой логики, кроме логики той деятельности, которая рефлектируется»³, хотя при этом «обладает бесконечным множеством законов, соответственно тому, что она рефлектирует» [1, с. 51]. Мышление же, напротив, обладает не законами, а средствами и нормами. Рефлексия индивидуальна и не может быть передана другому, мышление же раскрывается в коммуникации между людьми, наделенными способностью к рефлексии.

Третий доклад («Мышление, мыслительная деятельность и деятельность» [1, с. 65–92]) содержит рассуждение Г.П. Щедровицкого о знаке. По его мысли, любой объект внешнего мира выступает пределом индивидуальной, а потому внутренней рефлексии, и в этом отношении мир объектов нашему пониманию недоступен. «Знак даёт нам возможность войти в объект, в этом его смысл. <...> знак — это всегда то, через что мы видим нечто другое, например, объект или, например, действие» [1, с. 71]. Этот момент объясняет известную любовь ММК к построению схем с фиксацией на них связей и отношений. В практике работы «методологов» эти знаковые образования воспринимались не как знаки, а как модельно представленные объекты в структуре определенного рода деятельности. Далее в докладе идет иногда очень образно поданное обсуждение, что такое «понимать» что-либо и что такое «понимание»⁴ [1, с. 75–89]. Позиция Г.П. Щедровицкого по этим вопросам сводится к утверждению, что «понимание ... предполагает ориентацию на то, что делается, а не на денотаты того, что сказано» [1, с. 89]. Поэтому подлинное «понимание» того, что происходит в рамках обсуждения этого и всех остальных опубликованных в первом томе собрания сочинений докладов, доступно только посредством повторения логических ходов в размышлениях вслед за самим Г.П. Щедровицким его слушателями и читателями. В свою очередь, реципиенты, присвоив себе путь Другого через индивидуальную рефлексии, должны либо наметить иной вектор поисков, признав всё ранее сказанное ошибочным, либо развить программу действий сообразно заданным координатам. Такова «логика подхода» Г.П. Щедровицкого в свёрнутом тезисе о понимании: ориентация на то, что делается, а не на то, что сказано.

Четвертый доклад («Смысл методологической работы. Проблематизация основных методологических понятий» [1, с. 92–115]) интересен рассмотрением употреблений понятия «теория» в семи «смыслах»: оппозиция теория / практика, оппозиция априорного / апостериорного по процессу получения, продукт определенной систематизации, основание для производства определенного типа суждений, результат научного исследования, синоним научно-исследовательского предмета и, наконец, результат и продукт функционирования научного предмета [1,

² В третьей главе рецензируемого тома это утверждение станет основополагающим принципом при характеристике семиотических построений ММК, а потом встречается в расширенном списке принципов работы методолога в пятой главе настоящего издания.

³ На наш взгляд, этот тезис имеет значительный теоретико-методологический потенциал для филологических исследований. Рефлексия над языком нормируется логикой языка как деятельности, либо логикой того, что приписано языку как деятельности со стороны общества (правильно/неправильно, соответствует стилю / не соответствует стилю и т.д.). Возможно, каждый морфологический тип языка (изолирующий, аффиксальный, инкорпорирующий), гипотетически, формирует свою логику для рефлексии над языком как деятельностью, однако это лишь один из вариантов развертывания высказанного Г.П. Щедровицким тезиса.

⁴ Сам по себе весь отмеченный диапазон страниц в усеченном виде мог бы быть основанием эпистемологического анализа двух герменевтических школ России — Тверской и Пятигорской. Проблемы терминологии, осознание того, что нет пассивного понимания — все это уже заложено в публикуемом обсуждении доклада Г.П. Щедровицкого. К сожалению, формат издания сохранил (насколько это было возможно) фамилии только тех, кто задавал вопросы выступающему, а не общий список находившихся на этом мероприятии (примером такового можно считать перечни присутствовавших в Государственной академии художественных наук в 1920-е годы). По этой причине сложно установить, присутствовали ли Г.И. Богин и В.П. Литвинов на чтениях хотя бы третьего из семи докладов.

с. 110–111]. По сути, весь этот перечень был приведен только для констатации участникам обсуждения, что в рамках дискуссии «теория» не берется в конкретном из этих пониманий, и объем этого понятия в процессе развития рассуждения все время меняется, но остается в рамках семи перечисленных «смыслов»⁵.

Пятый доклад («Построение понятий и вопросы онтологии» [1, с. 115–138]) посвящен понятиям и способу работы с ними в рамках подхода. «Я исхожу из того, что понятия — это такие особые образования, которые, с одной стороны, характеризуют те стадии мышления, которые существовали до предметной организации мышления. Во-вторых, понятия — это такая форма организации рефлексии и мышления, которая обслуживает все другие формы организации мышления» [1, с. 123]. Г.П. Щедровицкий предлагает три образца работы с этими «особыми образованиями»: «...соорганизация понятий в отнесении к онтологической картине (зафиксированные в знаковой форме принципы, аксиомы и пространство деятельности, где понятия обретают свою значимость и функции. — А.З.), разворачивание единой онтологической картины и предметная организация онтологии» [1, с. 131]. Каждый из перечисленных вариантов работы с понятиями образует свой тип построения теории. В первом случае благодаря «живому рассуждению» по какому-либо вопросу эти «особые образования» порождаются и могут быть соотнесены друг с другом за счет самого «живого рассуждения». Второй образец работы с понятиями строится на том, что соотнесение понятий с первоначальными основаниями приводит к постоянному пересмотру сначала самих понятий, а потом — оснований. Третий случай особый, и не каждая теория к нему методологически готова. По мысли Г.П. Щедровицкого, «если вы начинаете разворачивать... онтологию», и она «становится базовым основанием, то вы в этом процессе единого разворачивания онтологии порождаете систему необходимых вам понятий в жесткой последовательности и связи. И поскольку эти онтологии начинают определять и предметные организованности, и возможные области экспериментов, и цели для научного исследования и т.д., они все оказываются замкнуты на этой единой онтологии» [1, с. 133]. Это и есть то, что в докладе охарактеризовано как «предметная организация онтологии»: аксиоматические положения, пространство деятельности и материал формируют предметы изучения с фиксацией рефлексии и мышления в понятийном слое «теории».

Шестой доклад («Понятие рефлексии. Рефлексия и мышление. Рефлексия и сознание» [1, с. 138–168]) вводит новое понимание нарисованных объектов внутри схем, которые буквально мелом на досках выводили участники ММК. «Первая важная особенность того пространства, которое рисовалось все эти заседания, — это то, что его заполняют, сказал бы я, системодетельностные образования... <...> Здесь можно, конечно, воспользоваться словом „объекты“, но понимая, что слово „объект“ употребляется не в собственном смысле. Это — некие системодетельностные образования, которые... требуют четверякой интерпретации: каждый из нарисованных внутри объемлющей рамки блок есть всегда 1) процесс, 2) структура, 3) организованность и 4) материал. И это принципиально» [1, с. 142]. В дальнейшем обсуждение вновь возвращается к проблеме рефлексии и мышления, перетекая в седьмой завершающий доклад («Чистая рефлексия и организованная рефлексия» [1, с. 168–192]).

Таким образом, в первой главе задаются тематика и проблематика всего рецензируемого тома целиком. «Деятельность», «рефлексия», «знак», «понимание», «мышление», «понятие» и «теория» выступают своеобразными категориальными координатами, вокруг и внутри которых строятся все дальнейшие дискуссии и обсуждения.

⁵ Ни Г.П. Щедровицкий, ни издатели не ставили своей целью раскрытие этой классификации предметно, тем более применительно к лингвистике. Тем не менее мы можем поставить вопрос: что есть «теория языка» в приведенном перечне? Вероятно, «результат и продукт функционирования научного предмета». Но что есть «грамматические теории», «теории коммуникации», «теории дискурса», «теории языковой личности»? Не исключено, что за привычными и одинаковыми употреблениями скрываются неравнозначные образования в эпистемологическом пространстве филологических наук, однако это требует специального исследования.

Вторая глава «„Подход“ — это что?» включает публикацию четырех докладов, прочитанных на семинаре ММК в течение двух месяцев 1979 года (13 октября, 8, 22, 30 декабря). Первый из них («Деятельностный подход. Введение в тему» [1, с. 195–210]) вводит оппозицию теории и подхода: «...теория, или научная концепция, представляет собой... организацию... эпистемических или семиотических элементов, но безотносительно к ситуациям употребления. В то время как подход есть такая организация эпистемических и семиотических элементов, которая с самого начала учитывает определенную область употребления... <...> ...подход есть некое средство организации мышления и деятельности, с самого начала создаваемое в этой функции» [1, с. 199]. Подход — то, что можно передать другому через коммуникацию и трансляцию, и в отличие от теории он, по мысли Г.П. Щедровицкого, не имеет объекта. Во втором докладе («Системно-структурный подход» [1, с. 210–235]) эти рассуждения получают свое продолжение с примером из истории языкознания. «Был синтаксический подход, это фактически определенный анализ, выросший, оформившийся в подход. В результате появился синтаксис языка (как теория. — А.З.). У индийцев и арабов был морфологический подход — появилась морфология. И европейские, и греческие, и латинские синтаксисты и индийские, и арабские морфологи решали одну и ту же задачу — описывали структуру речи. <...> Они описывали одно и то же, но разными методами, тогда возникли две онтологии, два объекта, которые сейчас, по образному выражению, „нанизываются на вертел“. Появилось понятие „уровень языка“: синтаксический, морфологический и т.д. <...> Возник сравнительно-исторический метод — появилось сравнительно-историческое языкознание, теория; возникает в лингвистике типологический метод — появляется типологическая лингвистика» [1, с. 231]. В рамках представленной логики развития сначала есть ориентация на строго определенную деятельность, а уже после она подменяется ориентацией на идеальный объект в рамках возникшей теории.

Третий доклад («О понятии „подход“» [1, с. 235–266]) посвящен представлению абстрактной схемы работы методолога и ее обсуждению, а четвертый («О системном подходе в структуре подхода» [1, с. 266–292]) содержит рассуждение о смысле и значении, на котором мы остановимся подробно. По утверждению руководителя ММК, «значение слова в словаре уже связано с возможными употреблениями этого слова в речи и по смыслу речи, но не за счёт того, что оно актуально связано [с этими употреблениями], а за счёт того, что оно предуготовлено для такого употребления» [1, с. 268]. В этой же части Г.П. Щедровицкий высказывает нетривиальное видение вклада Ф. де Соссюра в лингвистику и методологию лингвистики. «Поэтому Фердинанд Соссюр был первым, кто ввел в лингвистику деятельностный подход и в этом смысле методологический. <...> Соссюр после этого различения (языка и речи. — А.З.) должен был различить лингвистику языка и лингвистику текста, а это было сделано через 50–60 лет после него. Задание двух лингвистик как двух разных предметных образований — это есть деятельностное завершение идей Соссюра в лингвистике...» [1, с. 277] Сходное рассуждение с некоторым развернутым пояснением мы встретим в первом томе собрания сочинений Г.П. Щедровицкого в дальнейшем.

Во второй главе намечаются новые темы для осмысления — «язык» и «языкознание», которые «суммируются» к уже обозначенному перечню тем. Это, на наш взгляд, весьма интересный момент в композиции тома, ведь Г.П. Щедровицкий, исходя из названия докладов, не посвящал свои выступления обсуждению филологической проблематики, но тем не менее она у него присутствует, что говорит в пользу ее значимости для советского философа.

Третья глава («Как „подход“ употреблять в кооперативной работе?» [1, с. 295–408]) включает пять работ разного времени написания. Первый доклад представляет фрагмент работы 1964 года, второй — разработки 1973 года, третий и четвертый — 1979 года, пятый — 1968 года. «Хронологический разнობой» третьей главы компенсируется тем, что в этой части подобраны содержательно близкие выступления, и их обсуждение оттеняет те или иные исходные тезисы Г.П. Щедровицкого.

Первый доклад («В чем специфика методологического подхода к проблемам науки» [1, с. 295–305]) вводит разграничение двух точек зрения на то, какова должна быть методология науки. Первая из них «считает, что предмет методологии — природа, мир как таковые» [1, с. 296]. Вторая точка зрения — «предмет методологии как науки принципиально отличен от предмета всех других конкретных наук. <...> методология... есть теория человеческой деятельности» [1, с. 296]. И поднимается вопрос: кто должен разрабатывать методологию конкретных наук. В идеале — сами ученые каждой определенной отрасли знания, но только после того, как они осознают свой статус методологов.

Во втором докладе («Системно-структурный подход в анализе и описании эволюции мышления» [1, с. 305–310]) обсуждается широкий спектр проблем. Тем не менее в этой части есть весьма характерный тезис: «Системное изображение объекта... обязательно должно содержать четыре слоя представлений — процессов, функциональный структур, организованностей материала и морфологии» [1, с. 308]. Сходное, хотя и не тождественное видение мы обнаруживаем в трудах советского лингвиста-типолога Г.П. Мельникова, с которым Г.П. Щедровицкий был знаком лично⁶. Третий доклад («Проблемы организации исследований: от теоретико-мыслительной к оргдеятельностной методологии анализа» [1, с. 310–332]) носит, скорее, историографический характер, раскрывая суть и смысл движения идей ММК с 1952 по 1972 год. Примечательно, что один из периодов работы над проблемой воспроизводства деятельности осмысливается Г.П. Щедровицким как переоткрытие сосюровского различения речи и языка, но в рамках их логико-философских поисков. Четвертый доклад («Нормативно-деятельностный подход в исследовании интеллектуальных процессов» [1, с. 332–366]) сходен по посылу описать историю становления ММК, однако роль языкознания здесь обозначена гораздо яснее. «Великий лингвист Ф. де Соссюр уже различил в рамках речевой деятельности систему языка (для меня это система норм) и систему речи (для меня это „живые“ процессы, выраженные в текстах). <...> Хотя Соссюр и решил ту проблему в принципе, различив в системе речевой деятельности язык и речь, но сами лингвисты никак не могут додумать эту идею до конца и вывести все методологические следствия. <...> Правда, последние десять лет очень продвинули нас вперед, и появилась „лингвистика текста“. Это, конечно, большое достижение, но только лингвистику текста по-прежнему пытаются строить как лингвистику языка, не ставя вопрос о необходимой специфике её методов» [1, с. 347]. Этот полемический момент относится к 1979 году, т.е. еще до публикации ключевых языковедческих монографий по этой проблематике.

Пятый доклад («Человеческая деятельность и предметный мир» [1, с. 366–408]) интересен, во-первых, требованием удерживать в памяти, что все слова, произносимые Г.П. Щедровицким, значимы в определенном месте рассуждения и что все противоречия, которые в этом выступлении могут возникнуть, вызваны именно движением от исходных постулатов к итоговым заключениям. Во-вторых, в этой части раскрывается девять принципов объектно-онтологической картины в построениях ММК. «Первый принцип... <...> ...принцип деятельностного подхода. Он гласит: единственное, что существует, это деятельности и её организованности. <...> Второй принцип — принцип эволюции... <...> Утверждается, что всё происходящее в гео-, био-, ноомире — а это и есть мир деятельности — может рассматриваться лишь в свете процессов эволюции и с их точки зрения» [1, с. 393–394]; третий принцип — каждая последующая организованность „паразитирует“ на предшествующих, это значит, что она живет на них и за счет них. Всё то, на чём паразитирует какая-то организованность, образует материю, или материал, по отношению к этой организованности. <...> Четвёртый принцип: деятельность представляет собой массу связанных между собой процессов и в этом смысле является не процессом,

⁶ На текущий момент мы не можем однозначно говорить о влиянии Г.П. Мельникова на Г.П. Щедровицкого (или наоборот) в понимании строения системы или системного представления объекта, по крайней мере, учениками и коллегами Г.П. Мельникова в личных беседах с автором этих строк даже факт какой-либо дискуссии между Г.П. Щедровицким и Г.П. Мельниковым был неизвестен до апреля 2025 года.

а структурой. <...> Пятый принцип: деятельность ассимилирует материал, в среде которого она существует, и превращает его в наполнение своих элементов. <...> Шестой принцип: ассимиляция (поглощение материала и его структурирование в соответствии с деятельностью как совокупностью процессов. — А.З.) и аккомодация (изменение самих процессов в соответствии со структурой поглощаемого материала. — А.З.) приводят к дифференциации структур деятельности. <...> Седьмой принцип: в деятельности существует и реализуется масса различных процессов, каждый из них по-своему структурирует материал. <...> ...восьмой принцип... число разных видов деятельности и, соответственно, число разных процессов в деятельности непрерывно возрастает. <...> ...девятый принцип... внутри структурируемого... материала появляются автономные организации этого материала, которые приобретают относительную самостоятельность внутри всей сферы деятельности и создают особые специфические процессы функционирования (употребления) и развития» [1, с. 394–396]. В конце этого доклада также обосновывается работа со схемами внутри ММК как работа семиотическая и с разными типами знаковых систем, вследствие чего семиотика в понимании Г.П. Щедровицкого предстает как теория предметного мира [1, с. 401].

В третьей главе в большей степени внимание сосредотачивается на раскрытии принципов, на которые опираются участники ММК в своих построениях и обсуждениях. Их можно экстраполировать на сферу изучения лингвистики, однако даже подобный механический перенос вызывает больше вопросов, чем ответов⁷.

Четвертая глава («Как „подход“ передавать другим (воспроизводство)?» [1, с. 411–480]) также включает три работы разного времени написания. Первая и третья из них были созданы в 1980 году, вторая — опубликована в 1991 году. Первый доклад («О значении исследования коммуникации для развития представлений о мыследеятельности» [1, с. 411–451]) интересен признанием ошибок, допущенных в ходе дискуссии с лингвистами в 1957 году⁸. «Я утверждал, что язык есть не что иное, как предметное представление речи-мысли — наряду с другими предметными представлениями. <...> В оправдание могу сказать, что я в тот момент, в 1957 году, Соссюра не читал. И когда Ф.А. Сохин, представитель школы Рубинштейна, прочитав мои первые работы, спросил: „А вы различаете речь и язык?“ — я сказал: „Да, я их различаю“. И рассказал ему о том, как я их доморощенно различаю. Но подлинного различения не было» [1, с. 421–422]. Проблема возникшего непонимания заключается в том, что Г.П. Щедровицкий шел к лингвистике от логики, где подобных разграничений не было вовсе.

Второй доклад («Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов» [1, с. 451–466]) фиксирует то, что, по словам Г.П. Щедровицкого, адекватно присуще исследователю. У него «1) определенный набор мыслительных и деятельностных средств, с которыми он „выходит“ на объект; 2) определенный набор действий (процедур и операций), которые он применяет в отношении к объекту; 3) то, что мы называем (в технической

⁷ Проведем мысленный эксперимент, перенеся эти принципы на «речь». По этой логике, речевая деятельность — одна из организованных деятельности вообще, эволюционирует и паразитирует — на чем? Может, на «языковой способности» или на «языковой личности», или вообще на бытующей системе языка? По сути, с третьего принципа мы имеем три различных сценария в выстраивании объектно-онтологической картины.

⁸ В рубрике «Научная жизнь» журнала «Вопросы языкознания» (1957 г., № 4) в материале с подзаголовком «В Институте языкознания АН СССР» (автор не указан) содержится следующее описание тех событий: «Выступившие в прениях логики т.т. (товарищи. — А.З.) Г.П. Щедровицкий и Б.А. Грушин поддержали тезис доклада А.А. Реформатского о том, что характер изображения объекта зависит от задачи исследования и что поэтому принципиально возможны „чисто“ синхроническая и „чисто“ диахроническая системы языка. Но чтобы воспроизвести каждую из этих систем, необходимо изучить всевозможные связи исследуемого объекта. В этом плане действительно существует неразрывное единство синхронии и диахронии, но задача исследователей — языковедов и логиков — состоит не в том, чтобы снова и снова выдвигать этот принцип, а в том, чтобы проанализировать конкретные формы этого единства. Г.П. Щедровицкий и Б.А. Грушин особенно подчеркивали необходимость изучения и использования языковедами методов и приемов, примененных Марксом при структурном исследовании сложных исторически развивающихся объектов. Г.П. Щедровицкий в своем выступлении пытался также провести разграничение объекта науки о языке (речь) и ее предмета („язык вообще“, который как „система, построенная человеком в процессе отражения“, „живет по своим особым законам, не совпадающим с законами существования обычных актов речи“). Это разграничение встретило критическое отношение со стороны большинства участников дискуссии». [10, с. 127]. К сожалению, этот момент упоминания дискуссии с лингвистами в рецензируемом томе остался без приведенного нами комментария.

манере) „табло сознания“ исследователя, на котором появляются образы, фиксирующие опыт его исследовательской работы; 4) тексты речи-мысли, в которых исследователь фиксирует ход и результаты своей исследовательской работы и сообщает о них другим людям... 5) строго определенные нормы и схемы организации исследовательской мыследеятельности, в частности, категории, которые этот исследователь реализует в практике своего мышления и своей деятельности» [1, с. 455]. Эта часть тома, по нашему мнению, должна войти во все учебные пособия и монографии, посвященные методологии и технологии филологических исследований. Наконец, третий доклад («Организационно-деятельностный подход: цели и задачи психологических исследований в сфере культуры и спорта» [1, с. 466–480]) затрагивает вопросы современного (на момент 1980 года) состояния, проблем и перспектив развития психологии спорта, суть спортивной работы, значение знаний для развивающейся сферы деятельности, схемы циклов жизни знания, соотношение научных знаний и практики и вопросы о том, что такое прикладная дисциплина.

В четвертой главе, где раскрывается список того, что присуще исследователю, может возникнуть вопрос: а работает ли этот перечень при междисциплинарном исследовании? На это мы должны ответить утвердительно. Междисциплинарные исследования языка все равно оперируют 1) определенным набором мыслительных и деятельностных средств и 2) определенным набором действий (процедур и операций) по отношению к объекту изучения. Сложен именно последний пункт — нужно либо удерживать согласующиеся категории для теоретического осмысления, либо перестраивать имеющиеся категории под интересующий ученого угол обзора⁹.

Пятая глава («Как работает системомыследеятельностный подход?» [1, с. 483–615]) состоит из трех работ. Первая представляет собой объединенное изложение двух докладов на семинаре ММК (5 и 19 мая 1987 года), вторая — выступление 1989 года, а третья — 1971 года. В первой части («Основные понятия и проблемы системомыследеятельностного подхода» [1, с. 483–528]) Г.П. Щедровицкого спрашивают, как определить принадлежность людей к СМД-подходу. «Я считаю принадлежащим к СМД-подходу человека, который заявляет, что он к нему принадлежит. При этом для меня всегда остаётся открытым вопрос, насколько он понимает СМД-подход, его принципы и идеи и насколько он может этим пользоваться. <...> А формально таковым является всякий, объявивший о принадлежности» [1, с. 486]. В этой части вновь возникает проблема семиотики, и здесь характерен тезис: «Мышление — это работа со знаками, и знаки должны нести по крайней мере три функции: функцию отражения, функцию экспрессии, или выражения» [1, с. 506], при этом название третьей функции Г.П. Щедровицкий забывает назвать, но ему напоминают слушатели из зала: третья функция знака — функция коммуникации.

Второй доклад («Перспективы и программы развития системомыследеятельностной методологии» [1, с. 528–574]) представляет местами трогательное повествование о пережитом и прожитом, причем здесь автобиографии не меньше, чем рассуждений об истории становления ММК. И здесь же в кратком пересказе того, о чем говорится, Г.П. Щедровицкий утверждает: «Работа в методологии требует предельно резкого разделения логики и герменевтики, и соответственно разделению логики и герменевтики необходимо разделять мышление и понимание» [1, с. 544]. Это позднее выступление 1989 года происходит тогда, когда и В.П. Литвинов в Пятигорске, и Г.И. Богин в Калинин (ныне Тверь) уже как минимум десятилетие разрабатывают свои проекты, о которых мы упоминали в самом начале нашей рецензии, но исходный импульс поисков этих ученых был получен именно из семинаров ММК.

Третий доклад («Краткая характеристика метода работы, или способа мышления» [1, с. 574–615]) представляет собой расширенное (по сравнению с пятым докладом в третьей главе тома) изложение принципов работы в системомыследеятельностном подходе (с учетом дробления вместо

⁹ Это решение намечено рассуждениями из первой главы рецензируемого тома о трех сценариях работы с понятиями. Мы не затрагиваем мысль о развертывании онтологии с последующим жестким закреплением понятийного слоя теории по той причине, что не для каждого междисциплинарного исследования это является ключевой проблемой.

девяти принципов здесь мы обнаруживаем тринадцать). На этом материал докладов, статей, выступлений Г.П. Щедровицкого в первом томе исчерпан.

Достоинством книги является ее справочный аппарат. Примечания редактора [1, с. 617–631] позволяют восстановить некоторые исторические реалии и источники, на которые ссылается Г.П. Щедровицкий в своих выступлениях. Перед нами открывается целая галерея из философов (К. Маркс, П. Тейяр де Шарден, М.К. Мамардашвили, Г.В.Ф. Гегель, и др.), психологов (Л.С. Выготский) и филологов (Л. Ельмслев, Ю.М. Лотман). Раздел «Литература» [1, с. 633–641] позволяет ознакомиться не только с публикациями самого Г.П. Щедровицкого (они даны в хронологическом порядке), но и с работами других авторов (расположены после работ идейного вдохновителя ММК по алфавиту). Именной указатель [1, с. 643–655] содержит не только имена, фамилии и отчества (если есть), но и краткую характеристику деятельности этих людей, а предметный указатель [1, с. 657–671] — ключевые понятия, которые значимы для содержания «подхода». И в этом тоже есть момент раскрытия общего видения теоретико-методологических координат. Вот, например, часть этого перечня: знак (знаки), знаки в (процессах) деятельности, знак и объект, знаковая форма, знаковые схемы, оперирование со знаками, психология знака, функции знака, функции знаков, знаковые системы, значение, значение и смысл, значение слова.

При этом нет буквы «я», и эта лакуна — следствие немногих недостатков издания. Во-первых, редактор приводит постраничные ссылки на некоторые работы Г.П. Щедровицкого, в том числе филологической направленности, но не сопровождает их комментарием. Во-вторых, издатели по какой-то причине посчитали «язык» недостаточно «весомым» ключевым понятием в рецензируемом томе. При этом именно эта книга позволяет понять логику выступлений, опубликованных в других сериях и форматах. В частности, известно, что в эпоху написания академических грамматик русского языка Г.П. Щедровицкий был апологетом мысли о языке как «конструкции значений», продукте специфической деятельности лингвистов-инженеров, строящих объект лингвистики по определенным образцам¹⁰. В рецензируемом томе мы обнаруживаем, скорее, намеки на этот тезис, и это неслучайно: сюда не попали статьи исключительно лингвистической направленности, однако и в «непрофильных» докладах и обсуждениях возникает филологическая проблематика. Да, можно по хроникальным заметкам о конференциях и списку литературы отследить интересовавшие руководителя ММК направления языковедческих исследований, можно выявить скрытую полемику на страницах статей лингвистов-современников, можно, наконец, систематизировать уже опубликованный корпус, чтобы обозначить место СМД-подхода в советском языкознании, однако именно у задуманного десяти томного собрания сочинений есть возможность дать подобным обобщениям исчерпывающий материал.

Руководитель целого методологического движения, создатель особого типа семиотики, теоретик в области языка, языкового мышления, текста, один из выдающихся исследователей системы как объекта и системных объектов как таковых — частично все это если не раскрыто, то приоткрыто рецензируемым изданием, но, к сожалению, именно «приоткрыто». Этот том не только для философов, логиков и специалистов по отечественной интеллектуальной истории. Новое собрание сочинений Г.П. Щедровицкого рекомендуется к прочтению и филологам, хотя бы потому, что в творческой биографии основателя ММК и его публикациях присутствует, метафорически выражаясь, некое «равнение» на лингвистов и литературоведов. Уже по первому тому вся задуманная издателями работа представляется масштабной, перспективной и заслуживает пристального внимания всех специалистов гуманитарного цикла научного знания.

¹⁰ Сходной линии рассуждения, но независимо от ранних разработок ММК придерживался А.В. Вдовиченко [11], однако между ним и Г.П. Щедровицким пролегает водораздел. Если первый на пленарном выступлении в рамках Международного научного симпозиума «Грамматика 4.0» отрицал наличие системы языка, меняя ее на типологию довербальных интенциональных коммуникативных актов, то для второго «конструкция значений» все равно будет системой заданных параметров описания материала и функционирования положенных в конструкцию элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Щедровицкий Г.П.** На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход / ред.-сост. Г.А. Давыдова. М.: МИФ, 2024. 672 с.
2. **Литвинов В.П.** Предисловие. Демистификация знака // Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: в 3 кн. Кн. 1: Структура знака: смыслы, значения, знания. М.: Восточная литература, 2005. С. 7–30.
3. **Львова Ю.А., Оборина М.В.** Генезис концепции языковой личности и терминологическая неоднозначность в работах Г.И. Богина 1970–80-х годов // Понимание и рефлексия в России: Международная научно-практическая конференция: материалы докладов. Тверь, 2020. С. 145–174.
4. **Богин Г.И.** Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику // KLEX. URL: <https://www.klex.ru/2s6> (дата обращения: 23.04.2025).
5. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М.: ЛЕНАНД, 2024. 264 с.
6. Труды по знаковым системам. Вып. 2 / отв. ред. Ю. Лотман. Тарту: Тартуский государственный университет, 1965. 359 с.
7. **Колесов В.В.** Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
8. **Григорян А.Э.** Мыследеятельность как коммуникативный проект в концепции Г.П. Щедровицкого // Философия, культурология, социология и религия: история и современность: сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 62–69.
9. **Васильева С.Л.** Возможности применения герменевтического подхода и теории системомыследеятельности Г. П. Щедровицкого для описания политического дискурса XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1–2 (5). С. 64–70.
10. В институте языкознания АН СССР // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 124–129.
11. **Вдовиченко А.В.** Коммуникативное оправдание грамматики. К вопросу о пределах условности грамматического описания // Русская грамматика 4.0: Сборник тезисов Международного научного симпозиума. Москва, 2016. С. 66–69.

REFERENCES

- [1] **Shchedrovitsky G.P.**, Na perekrestke mysli: vvedeniye v sistemomysledeyatelnostnyy podkhod [At the Crossroads of Thought: An Introduction to a System Cogitative Activity-based Approach to Research], comp. and ed. by G.A. Davydova, MIF, Moscow, 2024.
- [2] **Litvinov V.P.**, Predislovie. Demistifikatsiia znaka [The preface. Demystification of the sign], Shchedrovitskii G.P., Sign and activity], Vol. 1, The Structure of the Sign: sense, meaning, knowledge, Vostochnaya Literatura, Moscow, 2005, pp. 7–30.
- [3] **Lvova Iu.A., Oborina M.V.**, Evolution of the Concept of Linguistic Individual in G.I. Bogin's Works of 1970^{ths} and 1980^{ths}, Ponimanie i refleksii v Rossii: Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia: materialy dokladov [Understanding and Reflection in Russia: International Scientific and Practical Conference: proceedings of reports], Tver, 2020, pp. 145–174.
- [4] **Bogin G.I.**, Obreteniiye sposobnosti ponimat: Vvedeniye v filologicheskuyu germeneytiku [Acquiring the ability to understand: An introduction to philological hermeneutics], KLEX. Available at: <https://www.klex.ru/2s6> (accessed 23.04.2025).
- [5] **Karaulov Yu.N.**, Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost [Russian language and linguistic personality], LENAND, Moscow, 2024.
- [6] Works on Semiotics, 2, resp. ed. Yu. Lotman, Tartu State University, Tartu, 1965.
- [7] **Kolesov V.V.**, Osnovy kontseptologii [Fundamentals of Conceptology], Zlatoust, St. Petersburg, 2019.
- [8] **Grigoryan A.E.**, Mental activity as a communicative project in the concept of G. Shchedrovitsky, Filosofiya, kul'turologiya, sotsiologiya i religiya: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov po materialam I mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Philosophy, cultural studies, sociology and religion: history and modernity: a collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference], Nizhny Novgorod, 2016, pp. 62–69.

[9] **Vasilyeva S.L.**, Opportunities of Applying the Hermeneutic Approach and G.P. Shchedrovitsky's Theory of System-thinking-activity for the Description of the Political Discourse of the XXth Century, *Philology. Theory & Practice*, 1–2 (2010) 64–70.

[10] At the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, *Voprosy Jazykoznanija* (Topics in the Study of Language), 4 (1957) 124–129.

[11] **Vdovichenko A.V.**, Communicative justification of Grammar. To the Problem of Limits of Conventionality in Grammatical Description, *Russkaya grammatika 4.0: Sbornik tezisov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma* [Russian Grammar 4.0: Abstracts of the International Scientific Symposium], Moscow, 2016, pp. 66–69.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Загуменнов Александр Владимирович

Alexander V. Zagumennov

E-mail: zaw1991@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Поступила: 25.04.2025; Одобрена: 09.06.2025; Принята: 30.06.2025.

Submitted: 25.04.2025; Approved: 09.06.2025; Accepted: 30.06.2025.